

ЕЛЕНА ВАСИЛЬЕВНА ОСТАПОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры коми филологии, финно-угроведения и регионоведения, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина (Сыктывкар, Российская Федерация)
ost-1966@yandex.ru

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЭТНОГРАФИЗМ ПЕРВЫХ КОМИ РОМАНОВ: ОПЫТЫ ПЕРЕВОДА

Рассматриваются переводы на русский язык первых коми историко-революционных романов с точки зрения воспроизведения художественно-этнографических особенностей. Цель работы – исследование процесса перевода на русский язык художественно-этнографического контекста первых коми романов с использованием архивных документов. Достижению поставленной цели способствует решение следующих задач: сравнительно-сопоставительный анализ коми и русских художественных текстов, введение архивных источников в научный оборот, выявление влияния исторической эпохи на приоритеты переводческой стратегии. Новизна работы состоит во введении в научный оборот ранее не изученных переводных художественных текстов, архивных документов, впервые принятом сравнительно-сопоставительном анализе художественного этнографизма в оригинальных текстах первых коми романов и их переводах на русский язык. Материал исследуется с точки зрения общероссийских историко-культурных процессов: рассматриваемые романы на коми языке впервые изданы в начале 1950-х годов, переводы впервые опубликованы в начале и середине периода оттепели. В настоящее время данные произведения репрезентативны на коми и русском языках благодаря художественно выпisanному этнографизму, дающему представление о духовных, материальных и культурных ценностях народа коми.

Ключевые слова: историко-революционный роман, художественно-этнографические особенности, перевод, коми язык, русский язык

Временем выхода за границы этнического пространства первых крупных прозаических произведений коми литературы являются 1950-е годы. В этот период шла активная переводческая деятельность в масштабах всего Советского Союза, что свидетельствует о необходимости обмена опытом литературно-художественного творчества, так как «каждая национальная литература говорит на своем языке то, что никогда не скажет другая» [10: 16]. По мнению ученых,

общей закономерностью литературного процесса довоенного и в значительной мере послевоенного времени является обращение к истокам национальной культуры, к осмыслению диалектики взаимоотношений человека и власти, человека и природы, этноистории, этнографии и официальной концепции истории социалистического государства [9: 31].

Необходимо отметить, что создание первых романов на коми языке в основном приходится на период 30-х – начала 50-х годов XX века, в это время литература находилась под сильным прессом социальных доктрин. Перевод романов на русский язык происходит при смене эпох в 1950–1960-е годы и более всего приходится на время так называемой хрущевской оттепели. Смена эпохи потребовала от художников слова корректировок как в изображении этносферы романов, так и в индивидуализации характеров героев произведений.

Развитие крупных эпических произведений в литературах многих народов России характеризуется как движение от фольклора к роману. Начальный этап развития романной форм характеризуется романной ситуацией с подробным воссозданием предыстории героев, множеством разнообразных описаний, уточнений, этнографических подробностей. Можно предположить, что для первых писателей-романистов коми «задача исторического и этнографического самоописания была первостепенной» [4: 315]. По мнению У. Б. Далгат, именно в фольклорно-этнографическом материале «представлена поэтическая, эмоциональная, социально-психологическая информация о духовной и материальной культуре народа» [2: 237–238].

Рождение «большой прозы» коми литературы связано с именами П. Г. Доронина (Буй Ныр), В. В. Юхнина (Луздор Вась), Я. М. Рочева (Митрук Як). Первые главы коми романов П. Г. Доронина «Парма съёлöмын» / «В сердце пармы» и В. В. Юхнина «Алöй лента» / «Алая лента» начали печатать почти параллельно в конце 1930-х годов в журнале «Ударник». Но произведение П. Г. Доронина не было завершено, в незаконченном варианте на русский язык переведено лишь в наши дни.

В связи с данным обстоятельством мы подробнее осветим проблемы воссоздания художественно-этнографического контекста романов

В. В. Юхнина «Алӧй лента» (1957) и Я. М. Рочева (1969) «Кык друг» в переводе на русский язык. Оба произведения сыграли большую роль в культурно-образовательной сфере региона, в течение нескольких десятилетий изучаются в средних школах и высших учебных заведениях Республики Коми.

Первым коми романистом вошел в историю коми литературы Василий Васильевич Юхнин и по праву снискал всеобщую любовь не одного поколения читателей. Его роман «Алӧй лента» / «Алая лента» впервые был напечатан на коми языке в журнале «Ударник» в 1939 году, а в 1941 году опубликован отдельным изданием. Далее, претерпев ряд значительных изменений, издан в 1955 году, переиздавался в 1981 и 2002 годах. Отметим, что некоторые архивные документы о переводе первого коми романа В. В. Юхнина «Алая лента» нами ранее опубликованы в статье «В. В. Юхнинлысь “Алӧй лента” роман роч кывйӧ вуджӧдан историяысь» / «Из истории перевода на русский язык романа В. В. Юхнина “Алая лента”» [7]. О проблемах преодоления буквализма в процессе перевода этого романа на русский язык и освоении принципов смыслового и художественного перевода мы писали в нашей монографии «Коми литература в зеркале перевода» [8: 34–40]. В основе сюжета романа «Алая лента» лежит история одного вполне типичного села и обычной коми семьи начала XX века. Глава семьи – Степан Ошлапов – один из лучших охотников села Важгорт, отец двух сыновей, Ильи и Мишки, шагающих по стопам отца. В семье царят традиционные патриархальные отношения, женщины редко удостоиваются обращения по имени, все их помыслы направлены на поддержание существующего порядка в доме. Но, несмотря на все усилия, семья Ошлаповых имеет весьма скромный достаток, следуя авторскому замыслу, из-за несправедливого социально-экономического устройства жизнедеятельности. Младший сын Степана Илья под воздействием бесед с сыльными учителем и доктором постепенно учится объяснять происходящие вокруг события с классовой точки зрения. После участия в забастовке на Урале, в Прикамье, куда Илья был вынужден отправиться на заработки, он организует ее в родном селе. В любовной линии главных героев Ильи и Веры проявляются такие качества, как верность и благородство. В советское время коми литературоведами это талантливое произведение оценивалось в основном с точки зрения метода соцреализма. Впрочем, вряд ли именно идеи социализма побуждали детей и взрослых на коми и русском языках читать и пересказывать это произведение. В архиве писателя имеются письма и газетные публикации с самых разных концов Советского Союза, в которых высвечивается интерес читателей прежде всего к характерам героев и этнографизму произведения:

...Я очень мало знал о жизни народа коми... И вот я прочитал роман «Алая лента». Передо мной во всей красе предстал этот народ... (Н. Ковалев, Воронежская область, с. Абросимово); С большим интересом прочитала роман Василия Юхнина «Алая лента». Из книги я многое узнала о жизни малоизвестного мне народа Севера – коми. В книге интересно дан быт народа, его

нравы. Запоминаются многие образы, особенно Веры и Ильи... (Л. Лазарева, г. Сухуми) [7: 325–326].

Вхождение романа «Алая лента» в широкий круг чтения на русском языке было исполнено драматизма в поиске компромисса между требованиями редакторов сократить фольклорно-этнографические элементы и желанием автора сохранить поэтические картины народной жизни, воплощенные в жанрах лирической песни, частушки, причитания, былички, картинах охоты, народных праздников и т. д. По подстрочнику, над которым работали сам автор, В. В. Юхнин, исследователи коми литературы В. В. Вежев и А. Н. Федорова, художественный текст на русском языке создавали редакторы издательства «Советский писатель» А. Дмитриева, Н. Бузикошвили и А. Шишко. Критические замечания редакторов в основном касались двух наиболее важных моментов – недостаточного отражения в переводе художественного стиля автора и «затянутости» сюжета за счет множества развернутых культурно-этнографических зарисовок, нередко выдаваемых за «грамматические оплошности». Так, в качестве одной из таких «грамматических оплошностей» редакторы отмечают несобственно-прямую речь персонажа, отражающую мировоззрение охотника:

Автор пишет: «Больше того, у Лыско были две пары глаз! Под настоящими глазами была заметна ещё пара глаз, которыми собака, по мнению охотников, может видеть леших и всю нечистую силу» /34/. Если это по-верье, надо объяснить, иначе фраза звучит анекдотично и бессмысленно [7: 328].

В пространстве коми текста данный отрывок, принадлежащий охотнику, не вызывает ощущения, высказанного редактором. Известно, что отношение к собаке у многих народов мира издавна было в значительной мере сакрализованым. У коми считалось, что все собаки, «а в особенности имеющие светлые пятна над глазами, “четырёхглазые” (нӧль синма пон), способны видеть всевозможных злых духов и оберегать человека от них» [5: 313]. Зная это, автор не смог отказаться от столь важного для раскрытия образа охотника описания. В опубликованном переводе фрагмент сохранен, но стал более эмоционально-оценочным:

Больше того – у Лыско было две пары глаз. Да, да! Над обычными глазами опытный человек мог разглядеть еще скрытые, которыми собака, по мнению бывалых охотников, может видеть леших и всякую нечистую силу¹.

В этом небольшом отрывке умело применены синтаксические и лексические трансформации. Замена пунктуационного знака – вместо запятой тире – служит читателю сигналом к заострению внимания. Добавление и повтор междометия «Да, да!» выражает и подтверждение сказанному, и в то же время удивление автора, еще больше подогревающее интерес читателя к получению новой информации. Стилистическую окраску разговорной речи придала тексту замена эпитетов: вместо «*настоящими*» – «*обычными*», вместо «*всю*» – «*всякую*»; добавление эпитета «*бывалых*» и комментария «*опытный человек мог разглядеть еще скрытые*».

Редакторы центральных изданий оценили этнографические и фольклорные элементы как

талантливо выписанный, но, по их мнению, избыточный материал, подлежащий сокращению. Об этом красноречиво свидетельствуют следующие фрагменты редакторского текста:

Сомнительно, чтобы алая ленточка испугала медведицу. Вообще эта сцена с медведицей или не нужна, или надо по-другому сделать ее; Воспоминания Мишки о ночи в шалаше на рыбной ловле – пенье птиц не нужно. Это не нужно и по характеристике Мишки и вообще затягивает эту главу; Песни и танцы у отца Ильи /в избе/ хорошо бы подсократить / а вообще лучше убрать, потому что посиделок будет много и дальше;/ Сказку Ильи дать покороче, или только начало ее; Сон Степана не нужен. Что дает он? /Вообще «снов» слишком много в романе; Может быть, здесь дать только сборище молодежи, а посиделки не давать [8: 38–39].

Документы свидетельствуют, что В. В. Юхнин весьма серьезно реагировал на замечания, выбирал самые значимые, работал над ними и в ответах излагал свое видение процесса перевода, отстаивая народоведческую позицию.

Документы отражают и присущие послевоенному времени противоречия в развитии национальных литератур России. С одной стороны – складывание настоящей прозы, базирующейся на национально-этнической своеобразии и вызывающей неподдельный интерес читателя, с другой стороны – двойная внешняя цензура при издании книг на национальных языках и при переводе произведений на русский язык. Современный читатель, обращаясь к более поздним изданиям «Алой ленты», по сути обращается к переводу, изданному в первой своей редакции в 1957 году, который в полной мере содержит отпечаток этого непростого времени. Но значение данного литературного факта трудно переоценить, так как именно роман «Алая лента» на русском языке стал своеобразной визитной карточкой народа коми в многонациональном культурном пространстве Советского Союза. Об успешности данного проекта можно судить по перечню изданий и переизданий романа в переводе на русский язык: впервые он выходит в свет в издательстве «Советский писатель» в 1957 году тиражом 15 тыс. экземпляров, в 1968 году тиражом 50 тыс. экземпляров печатается в Коми книжном издательстве, в 1974 году издательство «Современник» в публикации перевода коми романа устанавливает своеобразный рекорд – 100 тыс. экземпляров, в 1980 году выходит в Коми книжном издательстве тиражом в 50 тыс. экземпляров.

Пример более опытного и получившего признание читателей страны коллеги и друга стал своеобразным маяком и для Якова Митрофановича Рочева. С 1938 года он работал над романной трилогией «Кык друг» («Два друга», 1951), «Изьва гызьö» («Ижма волнуется», 1956), «Му вежöм» («Светопреставление», 1967). Наиболее любимым и читаемым его произведением стал первый роман из историко-революционной трилогии под названием «Два друга». Как пишет сам автор, в произведении

отражена беспросветная жизнь коми народа в царской России, ожесточенная классовая борьба, пробуждение классового самосознания представителей бедней-

шего крестьянства, лесорубов, батраков-оленоводов под влиянием передовых представителей русского рабочего класса, политссылных-большевиков. В центре внимания два мальчика – Геня Дуркин, сын коми бедняка, и Вася Манзадей, сын батрака-оленовода Большеземельской тундры. Сложный их жизненный путь от учащися начальной школы до сознательных борцов за завоевания революции показан в романе².

Возможно, став свидетелем столь скрупулезной и драматичной работы автора, переводчиков и редакторов романа «Алая лента», Я. М. Рочев при создании своего романа поначалу не считал нужным так широко включать этнографическую составляющую, что привело к сужению этнокультурного контекста. Поэтому при переводе на русский язык самой повторяющейся просьбой редакторов к автору романа «Два друга» Я. М. Рочеву звучит просьба о конкретизации, расширении этнографических деталей и мотивировки поступков героев:

Хочется большей конкретности. Вот, на стр. 6-ой Вы говорите о том, как Вася пришел к Гене, как они сидели возле печи и «Вася рассказал о жизни оленоводов». Вместо такой, ничего не говорящей читательскому воображению информации, видимо, следовало бы дать реальную картину из жизни оленоводов, о которых ни Геня, ни мы ничего не знаем. Кстати, это будет именно то, что отличает биографию Васи от биографии Гени³.

При переводе на русский язык столь широко-масштабного произведения образовались информационные лакуны: понятные явления для коми читателя начала и середины XX века требовали особых пояснений для широкого круга читателей, незнакомых со спецификой жизненного уклада жителей севера Коми края, коми-ижмцев и ненцев. Исследователи перевода обращают особое внимание на важную особенность восприятия реципиентами фактов окружающей действительности и культуры:

Дело в том, что для читателя, находящегося внутри данной языковой картины мира <...> содержание текста не только более прозрачно и открыто, но и всегда формально более информативно; для понимания аллюзий, подтекста, реконструкции реальных прототипов героев или подоплеки изображаемых событий ему не требуется исследовательская работа, подобная той, которую вынужден осуществить автор перевода или составитель комментария. <...> Изнутри лингвистического социума, обладающего определенной языковой картиной мира, читатель без труда воспринимает имплицитно заключенную в тексте информацию о типическом, обычном, «само собой разумеющемся» для данной языковой общности [6: 99].

К решению задач наполнения информационных лагун Я. М. Рочев подходил с большой ответственностью, его комментарии в письмах достаточно убедительны, обстоятельны, отражают хорошее знание освоенного коми человеком пространства, его образа жизни:

Не знаю, как это делать убедительным для русского читателя, а коми читатели принимают как естественное дело и, представьте себе, Анна Дмитриевна, роман в обращении читателей около 8 лет, я был на многих читательских конференциях, и ни один читатель не выразил сомнения в правдоподобии. При совместной работе посмотрим, авось удастся найти еще дополнительные аргументы, чтобы убедить и русского читателя⁴.

В переводном тексте романа обнаруживаются два подхода к решению данной задачи. Остановимся

на них подробнее. Главными героями романа «Два друга» являются подростки, и естественно, что большое внимание уделялось вопросам перевода их образов на русский язык. В этой связи считается необходимым упомянуть, что по роману предполагалась публикация повести о двух друзьях. Так, известный критик И. Молчанов ссылается на опыт изданий популярнейших в то время повестей для детей: «Васек Трубачев и его товарищи» В. Осевой и «Повесть о старшем друге» Т. Печерниковой. Однако, по мнению критика, необходимо было внести определенные коррективы в переводной текст, например, «ярче нарисовать некоторые картины быта (состязания на лошадях, на оленях, картины школы)»⁵. Справедливо и замечание по поводу перевода имени одного из персонажей:

Клички с двойным именем (по-коми) будут непонятны, тем более, что во многих случаях герой называется кличкой, а в иных случаях – просто по имени, причем русский читатель так и не поймет, как же зовут героя – Самко Ванюк, например, Самко или Ванюком?⁶

Поясним, что в оригинале героя зовут Ванюк Самко, что соответствует русскому Самуил Иванович – в коми народной традиции перед именем человека называют имя его отца. Ванюк Самко в произведении является отрицательным персонажем, его отец Ванюк (-ук, -юк – уменьшительно-ласкательные суффиксы) – зажиточный оленевод, владелец более двух тысяч оленей. Переводчики приходят к решению опустить отцовское имя, оставив в переводном тексте лишь имя Самко, сузив тем самым образ.

Второй пример свидетельствует о решении задачи в пользу расширения образа посредством внесения диалога. Так, например, в первом издании романа «Кык друг» на коми языке (1951) пишется:

Школаб мунтöдз найö дыркодь пукалісны зарни öгырöн ымралысь пач дорын. Вася мойдiс збой көр видзысь пастух Ванюша йылысь, зарни сюра көръяс йылысь, эсэся Геня аслас сумкаб суйис небыд пöсь пирöг, да тэрмасътöг мөдöдчисны школаб⁷ / До того как идти в школу, они долго сидели возле печи, пышащей жаром от золотых углей. Вася рассказал о смелом пастухе Ванюше, об оленях с золотыми рогами, затем Геня сунул в свою сумку горячий пирог, и друзья не спеша отправились в школу (Дословный перевод мой. – Е. О.).

В рукописи перевода эта маленькая картина была передана всего одним предложением, что, конечно, не могло удовлетворить ни редакторов, ни предполагаемых читателей, которые имели весьма скудное представление о тундре и оленеводах⁸. В дальнейших изданиях этот фрагмент превращен в настоящую познавательную миниатюру в форме диалога, зачином к которому стало угощение ненецкого мальчика невиданной им доселе едой – картошкой:

Мальчики любили посидеть у жарко натопленной печки и поболтать. На этот раз Вася раненько прибежал к Дуркиным, и мать Гени угостила мальчиков печеной картошкой. На далеком Севере в те годы картошка была редкостью, и хватало ее не более чем на месяц. Мать сберегла немного для Гени. Хочется хоть иногда побаловать его.

- Вкусно, а? – спросил Геня.
- Очень! – даже вздохнул Вася.
- А у вас там много картошки?
- У нас? – удивился Вася. – Да я ее никогда не ел.

Геня от удивления разинул рот и уставился на Васю.
– Мы же в деревнях только зимой бываем, а в тундре ничего не сажают, ничего не сеют.

– А чего же вы там едите?

– Мясо, рыбу, сухари. А летом морошку собираем. Знаешь, сколько ее у нас! Хоть лопатой сгребай!⁹

Фрагмент выписан психологически достоверно, эмоционально, читатель вместе с Геней узнает о суровой, незнакомой жизни в тундре и вместе с ним же удивляется ее особенностям. Сопоставляя издания разных лет романа на коми и русском языках, можно предположить, что данный фрагмент создавался в процессе перевода романа с коми языка на русский язык, и он сначала был включен в русский текст, а затем – в обновленный текст на коми языке.

В рассматриваемом произведении Я. М. Рочева умело дополненные этнографические детали в описании традиционной жизнедеятельности народов Севера, коми и ненцев, углубляют психологизм главных героев, поясняют логику их поведения, и, что немаловажно, при этом оттачивается мастерство писателя.

Не подлежит сомнению, что и В. В. Юхнин, и Я. М. Рочев прекрасно знали историю, традиции и обычаи своего народа. По нашему убеждению, в создании художественно-этнографических картин на родном языке и их воссоздании на русском языке решающее значение имел самообытный талант авторов. Но в то же время, сравнению переписки двух коми романистов с редакторами, можно увидеть отличия в требованиях редакторов к текстам на русском языке. Если в обращениях к В. В. Юхнину больше звучит просьба сократить этнографические детали и зарисовки (сновидения охотников, праздники сельчан и т. д.), то в обращениях к Я. М. Рочеву, наоборот, редакторы просят расширить, детализировать картины быта и жизни северных коми (описание чума, интерьер комнат дома, праздники оленеводов). Видимо, в данном случае играет роль тот факт, что информационные свойства текста романа В. В. Юхнина о жизни на Севере России имели наиболее общую основу с предполагаемым читателем, владеющим русским языком, так как «между текстом и получателем должна существовать определенная информационная общность» [3: 50]. В то время как этнографическая «информационная общность» текста Я. М. Рочева и его получателя (переводчиков и редакторов) о жизни на Крайнем Севере оказалась явно недостаточной для трансляции произведения на русском языке. По нашему мнению, фактором, повлиявшим на перевод романа «Кык друг» и внесение в него последующих этнописательных коррективов, можно считать также влияние смены эпохи позднего сталинизма эпохой хрущевской оттепели. Напомним, что роман на коми языке был опубликован в 1951 году, переводческая же работа активно велась с середины 1950-х до середины 1960-х годов. Смена эпохи требовала от художников слова большей индивидуализации героев, в том числе и через описания народной жизни. В процессе перевода были внесены большие изменения и в текст романа на коми языке, отчего в последующих изданиях он стал более интересным, достоверным, психологичным.

Эстонский ученый-семиотик Р. Вейдемман справедливо отмечает, что «культура каждого народа и ее история воспринимаются в виде собрания неких текстов. Литература в этом собрании, несомненно, – самый текстовый компонент <...>» [1: 119]. Среди текстов культуры достойное место принадлежит первым коми романам. По нашему мнению, они репрезентативны благодаря талант-

ливо выписанному на родном языке и качественно воспроизведенному на русском языке художественному этнографизму. Время показало, что художественная этносфера является стержнем произведений, неиссякаемым источником познания мира, любви к родине, уважения к историческим корням. В настоящее время она призвана актуализировать у читателя интерес к народам России.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Юхнин В. В. Алая лента: Роман / Пер. с коми автора и А. Дмитриевой. М.: Современник, 1974. С. 33.
- ² Национальный музей Республики Коми. Далее – НМРК. Из письма в Союз писателей РСФСР от 07.10.1965.
- ³ НМРК. Из письма А. Дмитриевой от 20.06.1959. Музей Куратова. Инв. № 307/252. О. Ф. Инв. № 942/252.
- ⁴ НМРК. Литературно-мемориальный музей И. А. Куратова. Письмо Я. Рочева от 27 июля 1959 г.
- ⁵ НМРК. Из письма И. Молчанова от 27.02.1959.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Рочев Я. М. Кык друг: Роман. Сыктывкар: Коми госиздат, 1951. С. 9.
- ⁸ Этот факт подтверждается и другим примером замечания редактора, в котором тундра названа степью: НМРК. Письмо А. Дмитриевой от 20 июля 1959. Литературно-мемориальный музей И. А. Куратова. Инв. № 307/252. О. Ф. Инв. № 942/252.
- ⁹ Рочев Я. М. Два друга: Роман / Пер. с коми А. Дмитриевой и автора. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1979. С. 9.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вейдемман Р. Коллоквиум по эстонской литературе / Пер. с эст. М. Тервонен. Таллинн: Изд-во «КПД», 2007. 168 с.
2. Далгат У. Б. О фольклорном этнографическом контексте литературного произведения // Роль фольклора в развитии литератур народов СССР. М.: Наука, 1975. С. 233–246.
3. Казакова Т. А. Художественный перевод: в поисках истины. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2006. 224 с.
4. Лимерова В. А., Литовская М. А. Историко-революционный роман в советской коми литературе (1930–1950-е гг.) // Пермские литературы в контексте финно-угорской культуры и русской словесности: Монография / Науч. ред. Т. А. Снигирева, Е. К. Созина. 2-е изд., доп. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. С. 312–332.
5. Мифология Коми / Н. Д. Конаков, А. Н. Власов и др.; Науч. ред. В. В. Напольских. М.: Изд-во «ДИК», 1999. 480 с.
6. Оболенская Ю. Л. Художественный перевод и межкультурная коммуникация. Изд. 3-е., испр. М.: Книжный дом «Либроком», 2010. 264 с.
7. Остапова Е. В. В. Юхнинльсь «Алй лёнта» роман роч кывйё вуджодан историяйсь // Тайё сьылём – коми олём: Коми литературалы подув пуктысьяс йлысьс уджъяс / В этой песне коми жизнь: Сборник трудов об основоположниках коми литературы. Сыктывкар: ООО Издательство «Кола», 2008. С. 324–331.
8. Остапова Е. В. Коми литература в зеркале перевода: Монография: Текстовое научное электронное издание на компакт-диске. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2016. 86 с.
9. Пахорукова В. В. История коми-пермяцкой литературы. Т. 1. Проза. Сыктывкар: Изд-во Коми науч. центра УрО РАН, 2004. 220 с.
10. Султанов К. Национальное самосознание и ценностные ориентации литературы. М.: ИМЛИ РАН: «Наследие», 2001. 196 с.

Ostapova E. V., Syktyvkar State University (Syktyvkar, Russian Federation)

ETHNOGRAPHIC INFORMATION IN THE FIRST KOMI NOVELS: CHALLENGES OF TRANSLATION

The article deals with the translations of the first Komi historical novels about the October Revolution into the Russian language and especially with the challenges of translating ethnographic realities. The main aim of the paper is to give an idea of some ethnographic peculiarities which emerged in the process of translating the first Komi historical novels about the October Revolution into Russian using archival documents. To achieve this aim the author compares original texts with their translations into Russian, introduces archival documents into scientific discourse and reveals the influence of the historical period on the priorities of the translation process. The novelty of the study is determined by using texts and archival documents, previously unstudied in terms of translation, namely, the correspondence between the authors and the editors. The paper concerns the most important historical and cultural processes in Russia of that time, because the original novels in question were first published during Stalin's repressions, while the translations were published during the Khrushchev Thaw. Nowadays, these novels are relevant both in the Komi and the Russian languages because of their highly mastered ethnographic details, which give a picture of the material and spiritual values of the Komi people.

Key words: historical novel, ethnographic particularities, translation, the Komi language, the Russian language

REFERENCES

1. Veidemann R. Colloquium on Estonian literature. Trans. by M. Tervonen. Tallinn, 2007. 168 p. (In Russ.)
2. Dalgat U. B. Folklore and ethnographic context in the works of literature. *Rol' fol'klora v razviti literatur narodov SSSR*. Moscow, 1975. P. 233–246. (In Russ.)
3. Kazakova T. A. Literary translation: in search the truth. St. Petersburg, 2006. 224 p. (In Russ.)
4. Limerova V. A., Litovskaya M. A. Historical novel about the October Revolution in the Komi Soviet literature (1930–1950). *Permskie literatury v kontekste finno-ugorskoj kul'tury i russkoj slovesnosti*. Ekaterinburg, 2016. P. 312–332. (In Russ.)
5. Komi mythology. Ed. by V. V. Napol'skikh. Moscow, 1999. 480 p. (In Russ.)
6. Obolenskaja Yu. L. Literary translation and intercultural communication. Moscow, 2010. 264 p. (In Russ.)
7. Ostapova E. V. The history of the translation of *The Scarlet Ribbon* novel by V. V. Yuhnin into Russian. *This song is the Komi life. Collected works on the founders of the Komi literature*. Syktyvkar, 2008. P. 324–331.
8. Ostapova E. V. The Komi literature through the mirror of translation. Syktyvkar, 2016. 86 p. (In Russ.)
9. Pakhorukova V. V. The history of Komi-Permyak literature. Vol. 1. Prose. Syktyvkar, 2004. 220 p. (In Russ.)
10. Sultanov K. National self-consciousness and value orientations in literature. Moscow, 2001. 196 p. (In Russ.)

Поступила в редакцию 27.03.2018